УДК 008
DOI: 10.17223/22220836/31/10

С.Б. Куликов

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АНТИЧНОСТИ В ПЕРЕВОДАХ В.А. ЖУКОВСКОГО[1]

В статье эксплицированы философские основания освоения культурного наследия античности в рамках переводов Гомера, выполненных В.А. Жуковским. Переводы В.А. Жуковского интерпретируются как элементы знаковой системы, которая сравнима с другими элементами той же системы в плане точности перенесения оригинала на иноязычную почву. В философско-культурологическом отношении переводы В.А. Жуковского проанализированы на предмет воспроизведения неявно содержащейся в их основе мировоззренческой системы, а именно комплекса воззрений на природу художественного познания и идеалы воспитания, а также базовые ценности общественных связей и отношений.
Ключевые слова: *Жуковский, Гомер, античный эпос, литературоведение, философия искусства, эстетика, педагогика, идеалы, мировоззрение, классическая литература.*

Введение

Анализ выполненных В.А. Жуковским переводов произведений Гомера («Одиссеи» полностью, «Илиады» частично [1. С. 9–24, 25–347, 348–369]) позволяет внести вклад в решение задачи по экспликации философских оснований освоения культурного наследия античности в России XIX столетия. Это показывает динамику средств для выбора аналогов системы понятий, которые используются в поэзии, функционирующей в различных социокультурных средах и в различных эпохах. Исследование опиралось на *методы* сравнительного анализа и культурологической реконструкции. Основной *целью* работы выступило выделение двух основных смыслов освоения культурного наследия античности, которые обусловливают рецепцию установок античной культуры в России.

Первый смысл заключен в экспликации лингвокультурологических аспектов проблемы перевода. В данном отношении переводы В.А. Жуковского понимаются как элементы знаковой системы в культуре, сравнимой с другими аналогичными системами на основании точности перенесения оригинала на иноязычную почву. В частности, перевод фрагментов «Илиады», совершенный В.А. Жуковским, может быть сопоставлен с переводом тех же мест, выполненным Н.И. Гнедичем [2]. Но более важно соотнести общие принципы, которыми руководствовались переводчики в целом. В этой связи, полагают исследователи (А.Н. Егунов [3], В.Н. Ярхо [4], А.С. Янушкевич [5], В.С. Киселев [6]), соотнесение как минимум неоднозначно: профессиональный приоритет в нем, по-видимому, принадлежит Н.И. Гнедичу, а художественная ценность – В.А. Жуковскому.

[1] Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «Влияние античных идей на науку, культуру и образование современности» (грант № 15-18-10002).

Второй смысл исследования демонстрирует философско-культурологический характер выполненной работы. Переводы В.А. Жуковского рассматриваются в более широком контексте. В неявном виде эти переводы воспроизводят мировоззренческую систему, которой В.А. Жуковский придерживался в творчестве и жизни. Причем речь идет не только о философских идеях, предложенных другими авторами и подспудно присутствующих в трудах В.А. Жуковского. Специалисты свидетельствуют, что философские представления В.А. Жуковского составляют систему идей, ничем не уступающую системам воззрений философов-современников поэта [7].

Лингвокультурологические аспекты проблемы перевода

Переводы В.А. Жуковского могут быть охарактеризованы в культурологическом плане со стороны следующих проблемных моментов:

Во-первых, художественная литература как знаковая система выражает строй национального сознания. Способы для понимания человека и окружающего его мира выступают горизонтами этого сознания. Безусловно, литературные произведения являются плодом авторского воображения, и в этом смысле они всегда есть создание иллюзий. Такие иллюзии характеризуют создавшего их автора, его психологию и мировоззрение. Произведения Гомера, при всей дискуссионности отнесения «Илиады» и «Одиссеи» к этому легендарному автору, не являются здесь исключением. Вполне возможно, что эпические поэмы есть результат кодификации коллективного творчества древнегреческого народа. И тем не менее это творчество было плодом воображения, воплощавшего мировоззренческие установки автора, пусть и коллективного. Однако же мировоззрение автора не формируется в отрыве от той среды, в которой он существовал с момента появления на свет. Установки, усвоенные автором в данном процессе, неизбежно накладывают отпечаток на все его творчество. Именно поэтому можно с уверенностью заявить, что произведения художественной литературы подразумевают как минимум два плана истолкования. В первом из них раскрываются индивидуальные свойства сознания их создателя, сил его воображения, памяти и других структур. Второй план включает истолкование надындивидуальных качеств социокультурной среды, в которой упомянутые силы формируются. Актуально это и для случаев коллективного творчества. В этом отношении возможно понимание развития специфических черт представления автором себя самого (или центра своего самосознания как коллективного «Я») и окружающих его людей или даже целых народов. Причем автор видит окружающих его людей собственными глазами, осмысляет собственным умом, запоминает собственной памятью и т.д. Самого же себя, хоть это и не всегда очевидно, автор (коллективный автор) воспринимает сквозь призму социальных предрассудков и культурных стереотипов. Предрассудки и стереотипы возникают в коллективном сознании помимо желания и воли автора. В дальнейшем они шифруются в произведениях посредством специфического кода, позволяющего укрыть коллективные представления в последовательности художественных образов.

Во-вторых, расшифровка любых художественных образов, не только наполняющих «Илиаду» и «Одиссею», представляет трудность для литературоведов, психологов, философов и культурологов. Представители отдельных

дисциплин пытаются истолковать смысл данных образов в частных аспектах. Удачные истолкования приводят к пониманию художественных произведений (продуктов авторского воображения) в отношении национальных особенностей их складывания. Допущение возможности освоить правила этой игры открывают перспективу, в которой обозреваются сущностные характеристики сознания автора. Тем самым возникают предпосылки для реконструирования через них особенностей национального сознания.

В-третьих, не менее серьезные проблемы возникают в случае перевода литературного произведения с одного языка на другой. Для «Илиады» и «Одиссеи» проблема усугубляется древностью использованного в оригинале языка. Возникает следующая двусоставная трудность. С одной стороны, важно расшифровать базовые кодировки, которыми наполнено исходное произведение. Причем задача осложняется тем, что переводчик, как правило, исходит из другой языковой и социокультурной среды, нежели та, что характеризовала создателя первоначального произведения. Трудность вызывает погружение в иноязычную (инокультурную) среду. Автор усваивал эту среду с момента рождения. Переводчик вынужден погружаться в нее уже в зрелом возрасте, имея за спиной индивидуальный путь развития в границах собственной культуры, собственного языка. С другой стороны, даже успешное погружение в иноязычную (инокультурную) среду не обеспечивает однозначную точность в выборе кодировок. Однако именно эти кодировки позволяют максимально точно перенести базовые смыслы, составляющие содержание литературного произведения, в родственную для переводчика иноязычную (инокультурную) среду. Легко показать, что процесс перевода не составляет сугубо технической проблемы и не сводится к представленному технократическому его описанию. Но даже в достаточно упрощенном варианте представления проблема перевода актуальна и является достаточным условием для активизации научных исследований.

В.А. Жуковский, выполняя переводы произведений Гомера, выходит из указанных проблемных ситуаций в достаточной степени специфическим образом. По свидетельству исследователей, В.А. Жуковский выполнял перевод на основе подстрочника, предоставленного ему немецкими коллегами [4. С. 466]. Поэтому понятны причины, почему труды В.А. Жуковского, который был прекрасным поэтом, но не имел специальных знаний и навыков, подвергнуты сокрушительной критике в исследовательской литературе. Так, А.Н. Егунов, в целом высоко ставя переводы «Илиады» Н.И. Гнедича и отдавая дань его профессионализму и творческим находкам[1], отмечает в отношении переводов «Одиссеи» В.А. Жуковского, что «…изучать Гомера по переводу Жуковского – это примерно то же, что по его переложениям судить о Шиллере или Байроне» [3. С. 332]. Специалисты критикуют непрофессионализм, который проявил В.А. Жуковский.

Вместе с тем в мировой науке во многом именно по переводам В.А. Жуковского судят о характеристиках российской школы (традиции) художественного перевода. В.Н. Комиссаров в статье для «Routledge encyclopedia of translation studies» довольно категорично утверждает, что «Zhukovsky is one of the leading names in the history of translation in Russia» («Жуковский –

[1] Относительно перевода «Илиады», выполненного Н.И. Гнедичем, А.Н. Егунов делает такое заключение: «Таков, как он есть, перевод Гнедича остается до сих пор наилучшим» [3. С. 372].

одно из лидирующих имен в истории перевода в России». – *вар. пер. С.К.*) [8. С. 544]. В свою очередь, Н.И. Гнедич упоминается лишь вскользь. Само имя Н.И. Гнедича дается в общем списке российских переводчиков XIX столетия наряду с П.А. Вяземским и А.А. Фетом [8. С. 545]. Еще более рельефно фигура В.А. Жуковского как переводчика Гомера видится в рамках сравнительного исследования вариантов перевода «Одиссеи» на европейские языки у Э. Хол (Hall): «Zhukovsky's translation made a huge impact on Russian culture when it was published in 1849. The role allocated to the *Odyssey* by Zhukovsky and Gogol was to provide the basis on which a national aesthetic could be built. 'The publication of *The Odyssey* will mark the beginning of a new era. *The Odyssey* is without doubt the most perfect work of all the centuries', wrote Gogol» («Перевод Жуковского оказал огромное влияние на русскую культуру в момент его издания в 1849. Роль, уделенная „Одиссее" Жуковским и Гоголем, должна была обеспечить основание, на котором могла быть построена отечественная эстетика. „Публикация «Одиссеи» отметит начало новой эры. «Одиссея» является без сомнения самой прекрасной работой всех веков", писал Гоголь». – *вар. пер. С.К.*) [9. С. 106].

Из всего сказанного становится ясно, что переводы Гомера, выполненные В.А. Жуковским, в лингвокультурологическом отношении имеют двоякое значение. С одной стороны, они демонстрируют начальные этапы становления художественного перевода в России XIX столетия. С другой стороны, именно через деятельность В.А. Жуковского для иностранцев, не живущих в России, открываются перспективы на специфику сложившегося в России направления переводов классических авторов[1]. Поэтому критика А.Н. Егунова, вполне оправданная с точки зрения современного переводоведения, может быть поставлена под вопрос с позиций межкультурного диалога. В этом отношении переводы Гомера, выполненные В.А. Жуковским, ценны безотносительно научного уровня выполненного перевода. Культурная ценность переводов Гомера, выполненных В.А. Жуковским, выходит на передний план. Справедливо отмечено, что переводы Гомера, осуществленные Н.И. Гнедичем, непосредственно повлияли на русскую словесность. А.Н. Егунов вслед за критиками XIX в. указывает рецепции гомеровского стиля в сочинениях Н.В. Гоголя, отдавая в этом приоритет «Илиаде» [3. С. 308–312]. Но, судя по всему, именно переводы В.А. Жуковского определили *лицо* гомеровского перевода в России. Даже А.Н. Егунов, который достаточно жестко критиковал деятельность поэта в прочих отношениях, не мог этого полностью отрицать. Другое дело, что не всегда можно быть уверенным в том, что подобное лицо есть исключительная удача для репутации российской классической филологии. Сохраняется вероятность, что талант В.А. Жуковского как поэта, позволивший ему заслонить переводческие труды Н.И. Гнедича, сыграл роковую роль в том, что «Илиада» не была вполне оценена российской общественностью, а имидж гомеровских переводов в России сблизился с образом художественной самодеятельности.

В то же время автор статьи полагает возможным найти в сфере философии фундаментальные причины, по которым В.А. Жуковский выбирал те или

[1] Важно подчеркнуть параллель в оценках как «классических», которую проводят между переводами «Одиссеи», выполненными В.А. Жуковским на русский, и А. Попом на английский языки соответственно [10].

иные выразительные средства при переводе эпических произведений. Философско-культурологический подход открывает перспективы для выявления глубинных мотивов, которыми руководствовался В.А. Жуковский. Философия дает шанс прояснить цели, которые преследовал поэт, как базовые (мировоззренческие) установки, совокупность культурных норм и ценностей. Реконструкция мировоззренческих установок в отношении гомеровских переводов оставляет надежду на восполнение пробелов в понимании фундаментальных оснований, на которые опирался В.А. Жуковский. Данный путь приводит к пониманию, почему именно В.А. Жуковского выделяют в общем перечне переводчиков произведений классической древности.

Философско-культурологические основания переводческой деятельности В.А. Жуковского

Понимание оснований, на которые В.А. Жуковский опирался в ходе работы над переводами Гомера, требует обращения особого внимания на систему философских взглядов, лежащих в основе его творчества. Экспликация философских идей, во многом неявно присутствующих в поэтических произведениях В.А. Жуковского, дает шанс раскрытия мировоззренческих установок, обусловивших выбор направлений перевода.

Творческую деятельность В.А. Жуковского можно вписать в контекст философских дискуссий первой половины XIX в. [11. С. 18]. Исследователи отмечают по преимуществу философско-эстетические и философско-педагогические воззрения поэта. Идеи, высказанные В.А. Жуковским, характеризуют его в основном в качестве реципиента философской мудрости, нежели создателя оригинальной философской системы. Во всяком случае именно к такому выводу приходят современные специалисты при анализе наследия поэта. Так, Ф.З. Канунова в ходе изучения помет, сделанных поэтом в трудах Ш. Бонне, Э. Кондильяка, Д. Юма, Ж.-Ж. Руссо и других авторов, отмечает «глубокую связь Жуковского с идеологией просвещения», равно как указывает на «восприятие Жуковским произведений Ж.-Ж. Руссо» [Там же. С. 5]. Возникает вполне справедливый вопрос, а может ли в принципе философская составляющая трудов В.А. Жуковского считаться оригинальной? Ответ на этот вопрос позволит точнее понять, чем руководствовался поэт при работе над переводом произведений Гомера. Применение метода культурологической реконструкции позволяет выделить следующие аспекты переводов, выполненных В.А. Жуковским:

1. На переводческую деятельность В.А. Жуковского непосредственным образом повлияли *представления* о *природе художественного познания*, в которых он не расходился со сторонниками идей современной ему эпохи. Основа творчества – выражение чувственных переживаний (сенсуализм), в котором ведущую роль играет *меланхолия*. Идея меланхолии как настроения, которое непременно должно было вызывать искусство той эпохи, пронизывала практически все его творчество. Легко обнаружить данный мотив в собственных стихах поэта [12. С. 418], но, как показывают исследователи, эта идея наложила отпечаток на переводы «Одиссеи», выполненные В.А. Жуковским [6. С. 69].

В процессе перевода «Одиссеи» В.А. Жуковский только усиливает идею меланхолической обусловленности поступков человека и его общей судьбы.

Как полагает С.Ю. Макушкина, «у Жуковского невосполнимость утраты „земных благ“ рождает неосознанно присущую жизни древних меланхолию, что усиливает драматический модус перевода и заставляет его персонажей с большей обостренностью желать после смерти родового признания и отмеченности, с большей трагичностью воспринимать обстоятельства смерти, в которых отсутствует какой-либо из этих элементов. В этом Жуковский видит хоть какую-то замену утраченной жизни. Например, он переводит „стократно“ вместо „четырежды“; „бесславно-печальная смерть“ вместо „жалкая“ (V, 305–312); „спокойно и медленно к ней подходя“ вместо „тихо смерть на тебя снизойдет“; „ты кончину встретишь, украшенный старостью светлой“ вместо „в старости светлой спокойно умрешь“ (XI, 134–137). Еще более это очевидно в эпизодах, в которых обстоятельства смерти не соответствуют идеалу» [13. С. 332].

2. Воззрения В.А. Жуковского на воспитание, которые позволяют показать *педагогические аспекты его переводов*, формировались под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо. Такой вывод можно сделать, обратив внимание на пометы, которые В.А. Жуковский оставлял на страницах прочитанных им книг. Ф.З. Канунова замечает, что «…именно Руссо явился не просто катализатором, но и генератором многих идей первого русского романтика, потому что в страстном диалоге с ним, в процессе сложного диалектического притяжения и отталкивания кристаллизовались важнейшие стороны мировоззрения русского поэта» [11. С. 72].

В.А. Жуковский не согласен с радикально-демократическими воззрениями французского мыслителя, но вполне был готов принять его социальные взгляды. Необходимо воспитывать добродетели под влиянием научного знания, очищенного от предрассудков прошлого. «В ответ на оговорку Руссо „не науку я оскорбляю… добродетель защищаю я перед людьми добродетельными“ Жуковский замечает: „Разве добродетель не является такой наукой“» [Там же. С. 77]. На этом пути следует руководствоваться гармонией чувства и разума, избегая лжи и лицемерия.

В то же время Ж.-Ж. Руссо полагал, что сторонники нереформированных по его ригористическим образцам науки и искусства развращают народы и укрепляют власть тиранов (и в число таких «развратителей» входят античные мыслители). В отличие от этого опора на наследие античных авторов играла одну из главных ролей в педагогической концепции В.А. Жуковского. Но понимать это наследие надо вне исторического контекста, соотносясь с абсолютной шкалой ценностей. Все, что на этой шкале не соответствует добродетели, следует отринуть. Остальное следует приветствовать. В частности, спартанцы в данном плане не были добродетельнее афинян. Легко увидеть оригинальность идей Жуковского, оспаривающего верность идей признанных в его эпоху авторитетов теории обучения и воспитания.

3. Отдельно следует сказать о связи переводов, выполненных В.А. Жуковским, с его воззрениями на *природу общественных связей и отношений*. На основании анализа дневниковых записей поэта Е.А. Зброжек заключает, что (i) В.А. Жуковский был сторонником Т. Гоббса в отношении интерпретации человеческой природы как «злой», а также (ii) В.А. Жуковский выступал как противник теории общественного договора, но (iii) был сторонником договорных отношений между правителем и подданными [7. С. 237]. Из всего

этого ясно, что социально-философская позиция В.А. Жуковского отличалась известной пластичностью. Она напоминала скорее сложносоставную скульптуру, нежели художественную картину, написанную в едином ключе. Понимать человеческую природу как изначально злую довольно проблематично в ситуации ожиданий благополучия общества, возникающего на основе заключения договора высших и низших. Достаточно продолжить мысль автора и становится понятно одно ее следствие. Злые по природе существа справедливого договора заключить ни с кем не смогут, если вообще и пойдут на него. Такие существа обязательно будут стараться нарушить любой договор. Не удивительно поэтому, что в оригинале у Т. Гоббса государство, ограничивающее природную злость человека, есть результат насилия. Государство выступает в качестве необходимого зла. Войну всех против всех невозможно выиграть. Эта война может быть только ограничена в собственных пагубных проявлениях правилами игры, навязанными силой. Т. Гоббс непосредственно отмечает: «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося… необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов» [14. С. 130].

В связи с этим стоит поставить под вопрос представления о базисе общественных связей и отношений, которыми руководствовался В.А. Жуковский в процессе выполнения им переводов поэм Гомера. Нет оснований объединять в одном утверждении об обществе возможность благополучия, договорные отношения как его основу и представление о злой природе человека. Вместе с тем позиция поэта остается в философском смысле интересной (дискуссионной) и вполне оригинальной. Поэтому досадно, что она не получила некогда достаточного распространения. Е.А. Зброжек отмечает влияние идей В.А. Жуковского на складывание славянофильского направления, которое не ограничивалось «заступничеством за Киреевского» [7. С. 239–240]. Однако стоит допустить, что если бы В.А. Жуковский уделил развитию собственных философских идей чуть больше внимания, тем самым была бы принесена несомненная польза как отечественной, так и мировой мысли.

В то же время все вышесказанное принципиально важно для понимания оснований перевода мест из Гомера, посвященных природе царской власти. Царскую власть В.А. Жуковский по необходимости должен был интерпретировать следующим образом: «Древний мир физический был миром борьбы и великих разрушений. …Начала человеческого общества отвечают сим первобытным временам мира физического. Грозная сила властвует. Частные образования Греции, Рима суть такие же явления жизни гражданской, как явления чудовищ древнего физического мира, которых окамнелости находим в слоях земных» [15. С. 306]. В этой связи интерпретация конфликта, возникшего между Одиссеем, законным правителем, и женихами Пенелопы, претендентами на место правителя, подразумевает глубокое понимание следующих моментов. С одной стороны, следует указать на связи между правителем как

носителем естественного (природного) права на владение и предметами владения. С другой стороны, такие связи отсутствуют у претендентов, демонстрировавших искусственность собственных умений при управлении имуществом:

Тут осторожно сказал Телемак светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того, чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет [1. С. 12–13].

Перевод В.А. Жуковского неоднократно критиковался за излишнее усиление эпитетов и эмоциональность выражений. Эта эмоциональность отсутствовала в оригинале. Так, А.Н. Егунов отмечает, что «…роскошь эпитетов Жуковского и в отрывках из Илиады, и в Одиссее изумительна. Простые эпитеты часто уступают у него место двусоставным: звонко-пространные сени (в смысле: гулкие; у Мартынова: звучное крыльцо); пустынно-соленый (вместо соленый); мягко-широкий; светло-широкий; темно-широкий; шумно-широкий. …Не менее изысканы и эпитеты-существительные. Так, Зевс – „громоигратёль“, корабль – „обтекатель“, „облетатель“, „оплыватель морей“; „чарователь тревог“, „успокоитель сладкий сон“. Все это имеет мало общего с Гомером, в частности и с Гомером Жуковского – этим „младенцем, лепечущим на груди природы“» [3. С. 327–328]. В свою очередь, В.Н. Ярхо полагает, что «…персонажи „Одиссеи“ вообще достаточно часто плачут, – в переводе они, как правило, „плачут навзрыд“ (16. 22; 21. 82 сл.; 23. 206 сл.), „заливаясь слезами“ (16. 219), проливая „потоки слез“ (17. 32 сл.). Достав лук Одиссея, Пенелопа „плакала очень громко“ (21. 56 сл.); в переводе: „...зарыдала и долго, // Долго рыдала она...“ После того как Одиссей открылся Телемаку, „так они лили слезы сострадания“ (16. 219); в переводе: „Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали“» [4. С. 479].

Вместе с тем не только эстетический вкус поэта, но прежде всего его оригинальная позиция в философско-культурологических спорах обусловливала необходимость упомянутого «украшательства» и усиления. Точно так стоит отметить логическую необходимость понимания античного наследия как кладезя педагогических образцов. В.А. Жуковский искренне полагал, что найдет в «Илиаде» и «Одиссее» идеалы, указывающие на естественную гармонию в жизни и в делах. Поэтому он переводил эти литературные памятники в духе сказочной старины. Именно это должно было служить целям научения юношества житию по правде. Но дух, в соответствии с которым создавались древнегреческие произведения, «первобытен», насыщен образа-

ми природной стихийности и силы. Поэтому правда жизни открывалась как близость такой стихийности и силе, конечно же, облагороженной красотой стихотворной формы. Не менее существенно и то, что В.А. Жуковский, имея собственные социально-философские убеждения, допускал в них некоторую противоречивость. Это наложило отпечаток на переводческую деятельность поэта. Была реализована попытка показать классическую древность, с одной стороны, как образец «первобытной» правды, а с другой – как набор условий для обретения гармонии отношений между правящими и подвластными. Данные условия были заведомо невыполнимы. Поэтому возникли рассогласования в эпитетах, которыми переводчик наделял героев древнегреческого эпоса.

Заключение

Выполненное исследование позволило раскрыть философские основания освоения культурного наследия античности в сфере переводов поэм Гомера, выполненных В.А. Жуковским. Автор убежден, что развитие исследований в данном направлении позволит обнаружить дополнительные культурные смыслы гомеровских переводов и мотивирует переосмысление некоторых привычных точек зрения как минимум на отношения внутри литературного сообщества в России XIX столетия. Поскольку же культурологическая рефлексия такого рода вопросов, которая выполнялась в прошлом, находит живой отклик и в настоящем, равно как продолжаются попытки улучшить переводы произведений Гомера на русский язык, то исследование философских оснований освоения культурного наследия античности в дальнейшем может стать поводом к переосмыслению также и современных реалий. Тем самым в полном объеме раскроется влияние античного наследия на науку и культуру современности.

Литература

1. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 6 : Переводы из Гомера : «Илиада». «Одиссея» / ред. В.С. Киселев, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянских культур, 2010. 736 с.

2. *Гомер.* Илиада. 2-е изд. / пер. с древнегр. Н.И. Гнедича. СПб. : Изд. Лысенкова, 1839. 831 с.

3. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. 2-е изд. М. : Индрик, 2001. 400 с.

4. *Ярхо В.Н.* В.А. Жуковский – переводчик «Одиссеи» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 6. Переводы из Гомера: «Илиада». «Одиссея» / ред. В.С. Киселев, А.С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 460–481.

5. *Янушкевич А.С.* Летопись работы В.А. Жуковского над переводом «Одиссеи» (по материалам его эпистолярия) / сост. В. Киселев, В. Красман, Н. Никонова, А. Плотникова, А. Янушкевич // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 6 : Переводы из Гомера: «Илиада». «Одиссея» / ред. В.С. Киселев, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 623–669.

6. *Киселев В.С.* Из истории гомеровских переводов В.А. Жуковского: перевод I и II песней «Илиады» (1849–1851 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4 (8). С. 62–74.

7. *Зброжек Е.А.* Философские идеи В.А. Жуковского // Вече. 2012. Вып. 24. С. 232–241.

8. *Komissarov V.N.* Russian tradition // Routledge encyclopedia of translation studies / edited by M. Baker. London ; New York : Routledge, 2001. P. 541–548.

9. *Hall E.* The return of Ulysses. A cultural history of Homer's Odyssey. London ; New York : I.B. Tauris, 2008. 289 p.

10. *Сердечная В.В.* Переводы «Одиссеи» А. Попом и В. Жуковским : стилистико-смысловая трансформация эпического текста как способ адаптации к эстетике Нового времени // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 3. С. 102–126.

11. *Канунова Ф.З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского (по материалам библиотеки поэта). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 184 с.

12. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Гослитиздат, 1959. Т. 1. 480 с.

13. *Макушкина С.Ю.* Категория смерти у Гомера и Жуковского (на материале анализа перевода «Одиссеи») // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисципл. школы молодых ученых / Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2002. С. 327–333.

14. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана // Сочинения : в 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. М. : Мысль, 1991. С. 3–546.

15. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13 : Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Kulikov Sergey B., Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 31, pp. 100–110.
DOI: 10.17223/22220836/31/10

THE PHILOSOPHICAL BASES FOR DEVELOPMENT OF CULTURAL ANCIENT HERITAGE IN TRANSLATIONS BY V.A. ZHUKOVSKY

Keywords: Zhukovsky; Homer; ancient epos; literary criticism; philosophy of art; esthetics; pedagogic; ideals; world outlook; classical literature.

The analysis of the translations of Homer's poems executed by Zhukovsky allows making a contribution in the solution of a task of an explication of the philosophical bases of development of ancient heritage in 19th century Russia. The contents of article include two main directions of research interest that fix two basic meaning of the conducted research. The first meaning is put into explications of linguocultural aspects of a problem of the translation. In this regard, the translations made by Zhukovsky are understood as elements of sign systems comparable with other systems based on the accuracy of the executed transferring of the original on the foreign-language soil. In particular, the translations of Vasily Zhukovsky and Nikolay Gnedich can be correlated. The author clears up who possesses a professional priority and whose translation art value has the greatest. The second meaning of a research shows the philosophical nature of the performed work. In this regard, the translations of Zhukovsky join in wider context as they implicitly reproduce world outlook system to which Zhukovsky adhered in creativity and life. In the literary attitude, Homer's translations made by Zhukovsky have double value. On the one hand, they bear on themselves lines of non-professionalism. On the other hand, the activity of Zhukovsky has symbolical character because through it for the foreigners who are not living in Russia prospects on specifics of the direction of the translations of classical authors that developed in Russia open. In the philosophical attitude, the translations made by Zhukovsky rely on the philosophical and esthetic, philosophical-pedagogical and social ideas. The attempt to show classical antiquity, on the one hand, as a sample of the "primitive" truth, and, on the other hand, this attempt was realized as a set of conditions for finding of harmony of the relations between ruling and subject. These conditions were obviously impracticable; therefore, there were mismatches in epithets, with which the translator of heroes of the Ancient Greek epos allocated. Development of researches, in this direction, will allow finding additional meanings of the translations of Homer in Russia and motivates reconsideration of some habitual points of view on the relations in literary community in 19th century Russia.

References

1. Zhukovsky, V.A. (2010) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

2. Homer. (1839) *Iliada* [The Iliad]. 2nd ed. Translated from Ancient Greek by N.I. Gnedich. St. Petersburg: Lysenkov.

3. Yegunov, A.N. (2001) *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [Homer in the Russian translations of the 18th – 19th centuries]. 2nd ed. Moscow: Indrik.

4. Yarkho, V.N. (2010) V.A. Zhukovskiy – perevodchik “Odissei” [V.A. Zhukovsky – the translator of “The Odyssey”]. In: Zhukovsky, V.A. (2010) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 460–481.

5. Yanushkevich, A.S. (2010) Letopis' raboty V. A. Zhukovskogo nad perevodom “Odissei” (po materialam yego epistolyariya) [Chronicle of V.A. Zhukovsky’s work on the translation of “The Odyssey” (according to his epistolary)]. In: Zhukovsky, V.A. (2010) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 623–669.

6. Kiselev, V.S. (2009) From history of Homer's translations by V.A. Zhukovsky:translation of songs 1 and 2 of “The Iliad” (1849-1851). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4(8). pp. 62–74. (In Russian).

7. Zbrozhek, Ye.A. (2012) Filosofskiye idei V.A. Zhukovskogo [Zhukovsky’s philosophical ideas]. *Veche*. 24. pp. 232–241.

8. Komissarov, V.N. (2011) Russian tradition. In: Baker, M. (ed.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London; New York: Routledge. pp. 541–548.

9. Hall, E. (2008) *The return of Ulysses. A cultural history of Homer’s Odyssey*. London; New York: I.B. Tauris.

10. Serdechnaya, V.V. (2011) Translations of “The Odyssey” by A. Pope and V. Zhukovskii: stylistic-semantic transformation of the epic text as a way to adapt to the modern aesthetics. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura – Language. Philology. Culture*. 3. pp. 102–126. (In Russian).

11. Kanunova, F.Z. (1990) *Voprosy mirovozzreniya i estetiki V.A. Zhukovskogo (Po materialam biblioteki poeta)* [On Zhukovsky’s ideology and aesthetics (based on the poet’s library)]. Tomsk: Tomsk State University.

12. Zhukovsky, V.A. (1959) *Sobraniye sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected Works: In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.

13. Makushkina, S.Yu. (2002) [The category of death in Homer and Zhukovsky (based on the analysis of “The Odyssey” translation)]. *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty* [The Picture of The World: Models, Methods, Concepts]. Proc. of the Conference. pp. 327–333.

14. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from Latin and English. Moscow: Mysl'. pp. 3–546.

15. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.